

A man in a dark blue suit and black shoes is swimming underwater, holding a black briefcase. He is facing a large shark with its mouth open, showing sharp teeth. The scene is set in deep blue water with light rays filtering down from the surface.

12+

Зулфиябегим Адхамзаде

Родственные узы, или
Проклятья сироты

Зулфиябегим Адхамзаде

Родственные узы, или

Проклятья сироты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66295882

SelfPub; 2023

Аннотация

Разорванные узы, обиды, проклятья этой семьи, ведут героев в тупик. Читая эту книгу вы попадёте в неземное пространство, в месте с героем романа. И выход от него, будет только один. Одно лишь письмо, выводить героев из вечного душевного ада.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

37

Зулфиябегим Адхамзаде

Родственные узы, или Проклятья сироты

Покойный дед

Вчера мне снился нечто, мой покойный дедушка, держа в руках кетмень, всей силой бьёт о мой порог. Позади, в белом одеянии, с четом в руках сидела старуха, она, улыбаясь, водила чёткой, будто довольной этим.

Я оказался в свои детские годы, в золотистом чабане. Раскрыв обе руки словно крылья, я вертелся в круг своего деда.

Друг, я вижу себя, оказался на краю крыше многоэтажного дома. Смотрю, подо мною виден город с мелким народом. Смотрю я под ноги, не крыша, а светящиеся красные тюльпаны. Медленно обернулся я, позади пустыня. Вроде и не пустыня, а сад, а вроде и нет. Тут деревья по всему пустыне, сверху сухими кустами, а снизу разными спелыми фруктами. Интересно то, что женщины в больших мешковинах собирают не спелые фрукты, а белый хлопок. Обернулся я от грозного голоса, смотрю дед. Говорят, он был грозным человеком в жизни. Он дал мне в руки гувалья,¹ как будто я

¹ Гувалья – сушеный в солнце, глиняной самодельный кирпич.

в чём-то провинился, хмуро глядел на меня. Проснулся я с испугом. Слава богу, сон. Дай бог, чтоб всё было в порядке. С утра сходил к деду в могилу, чтоб прочесть над ним молитву. Планировал, почитав и посидев пойти на работу.

Войдя в кладбище, я очутился в ином мире, как будто переместился с бурного гремящего города в другое измерение. Сердца резко охватило ледяной страх. Впереди меня, двумя лопатами и с одним кетменём, сложенным вместе со старым ведром, на самодельную каталку мчится, молодой парен, лет 19-20. Утренний ветер ласково гладит зелёные изгородь по тропинке, который вместо стен аккуратно постриженный. Не смотря на свою юность и прекрасность, эти изгороди немо плачут по покойным душам в этих могилах, которых они сторожат. Идя по этой тропе, мне казалось, будто этого парня и меня некого на свете. Словно, тишина охватила вес мир.

Эх, мои навеки немые родные, неужели это чёрная земля, которая вы раньше плевали, топтали, сегодня обнимает вас своим холодным объятием, или балует вас своим огненным кулаком.

Или... о боже... даже думать, об этом страшно. Ходя среди могил, задумываюсь, был ли в своё время это душа рабом Аллаха или наоборот, задумываюсь, и внезапно страх охватывает, вспоминая, что я тоже смертный, что рано или поздно придёт и мой черёд. И при себе шепчу, – ты смотри и делай вывод, кем они были раньше, кем стали сейчас. Может быть, в данный момент ты стоишь на их головах, смог

бы ты раньше делать это? Нет. Придёт время, и ты не сможешь шевельнуть пальцем и слово сказать. Так что торопись вымолить свои грехи, пока язык ещё тебе служить, пока еще ноги тебя держат. Я ели передвигаюсь среди могил внутри кладбище, к могиле своего деда.

Боже мой, только вчера тут было всего несколько могил, а сегодня это уже колонна. Говорили, близ судного дня мир крутится ещё быстрее, дни пролетят как ветер, рождаться и умирать будут всё чаще и чаще.

Смотря на этих могилах которой длится на километрах, я внезапно задумываюсь, осталось ли живых на свете?

Горький рассказ.

Только сев и начав молитву на скамеечке, я услышал громкий ревуший голос. Оглянулся по сторонам, смотрю, чуть дальше меня стройный как кино актёр, хотя смуглый, но притягательной внешностью, круглые глаза, густые брови, слегка заросшим бородой походит на афганцев, прилично одетый мужчина, лет сорок-сорок пят, громко плачет над могилой.

Встал, и подошёл к нему с удивлением, мужчина громко ревел и сыпал над могилой бумажные деньги, – почему меня не дождались, я же хотел вас отблагодарить, – с этими словами он присел над могилой.

Смотрю, с виду приличный человек, если бы не его оде-

нения, я бы подумал, что он сумасшедший и пошёл бы дальше. Но нет, тут разыгралось моё любопытство. Подошёл ещё ближе, под предлогом, что я ищу какую-то могилу, – всё в порядке? – хмуро задал я вопрос – уже поздно, надо было в жизни... теперь ей от этого ...

Не закончил я слово, как он набросился на меня со словами, не оглядываясь – я опоздал! Понимаете, опоздал!

Нет, я не обиделся, наоборот мне это и нужно было. Я спокойно сел на скамейку как будто жду объяснения. Он успокоился, встал, слегка встряхнулся и сел ко мне на скамейку – Я... – сказал он, с глубоким глотком, – вы подумали, что я

Сумасшедший? Да, я был таким. Когда-то я был слепым. Она мне открыла глаза

– она была вашей матерью? – спросил я.

– Нет, но больше чем мать! Когда мне было 4 года, отец с матерью разошлись. Мы неплохо жили, мать работала, а я в садике... но – глубоко вздохнул он и продолжил, – но потом у неё стали появляться странные подруги. Бывало время, она меня забывала даже в садике – не отрывая глаз с одной точки, он начал рассказывать свою историю.

Анвар часто оставался в садике, или даже у воспитательницы. Его воспитательница Назакат, из-за него почти постоянно, спорил с мужем.

– С глаз долой этого засранца, чтоб глаза мои не видели его, – говорил ей часто муж. Ей жалко было его оставлять в

садике одного. А мать его часто пропадала. И тем боле в те времена, средство связи с родителем было только домашний телефон. Если и того нет, то вообще никакого.

Назакат наконец-то нашла домашний адрес мальчика, который искала вот уже три дня.

Назокат толи со злобой, толи со страхом идёт по тропинке вместе с Анваром. Подняв голову, Анвар словно общался, с облаками которой по воли Аллаха толи собираясь в кучу, толи в рознь плавают на небе. Казалось, будто кто среди глубин этих облаков стреляет огненной стрелой, и будто это стрела крепко вонзила о землю, и разогревает своей теплотой всё на этой земле. И как будто стрелок в тени облаков подглядывает на него с любовью. Ему кажется что, параллельно по тропинке высоко растущие зелёные деревья, аплодируют маленького Анвара, своими спадающимися жёлто-красными листьями.

Своим ангельски ласковой улыбкой развернувшись в сторону своего многоэтажного дома, Анвар не торопясь поднял руку, показывая своей воспитательнице, окно которой расположено в третьем этаже. Назокат сразу же сообразила, что это окно его дома. Она поднялась по лестнице, и ошеломилась. Дверь была заперта большим замком. У неё в голове вертелась мысль о том, что мать мальчика может, где-то в больнице. Назокат постучалась в дверь к соседу. Дверь открыла женщина с тусклым личиком.

– Простите, я в тридцать вторую квартиру, я воспитатель-

ница Анвар..., — она не досказала слова до конца, как дверь силой закрылось перед ней.

— Нечего и некого не знаю, — послышался голос. — Назокат было обидно, она ели, сдержав слёзы, — что я не так сказала? — прошептала при себе. На лестнице, в старой изношенной майке и шар варом в полоску сидел с сигаретой в руках сосед. Он прикуривал, и спокойно бурил дымом сигарет, — она вчера ушла своим бойфрендом на дачу, на два-три дня. По крайней мере она так сказала. Ответил мужчина женщине, которой с боязни смотрела на него. Назокат остепенила от ответа. Она растерянно смотрела толи на мальчугана, толи на дверь с большим замком, — а как же ребёнок? разве мать может, забыт ребёнка?

Мужчина потушил сигарету, нажав на пепельницу, с ненавистной улыбкой. Как будто хотел сказать ей «что первый раз видишь таких матерей?» и встал со словами, — жаль мальчика.

Назокат задумчиво вышло на улицу где играет Анвар, собирая листья в кучу, не подозревая не о чём. Она села на скамейку подумала минут пять, патом решила опять забрать его с собой. Она боялась своего мужа. Думая- думая она придумала. Позвонила матери, — привези мальчика сюда, проживёт пока у меня, а ты иди домой, а то с мужем не нужны проблемы. — Сказала оттуда ее мать. Мать Назакат была женщиной умной. И помогала ей как могла.

Прошли несколько дней, Назокат с матерью отвезли Ан-

вара к себе домой. Постучали в дверь, выходит женщина с лохматыми волосами, видно, что только проснулась от вчерашнего буханья.

– Чего надобна? – спросила она. Ее глаза внезапно увидели прячущегося Анвара в заде своей воспитательницы, и тут же поняла кто эти женщины. Встала она, в позу базарной бабы, крепко зажав порок деревянной дверью.

Женщина была с грубым телосложением. Ее поза раздражала мать Назокат, что она прошептала про себя «чёрт бы тебя забрал»

– Да вы хоть помните, что у вас есть сын? – не сдержался мать Назакат за отвращение к ней. И так не охотно встретившая их, мать Анвара Шаира, теперь ещё больше стала выступать, – помню, и что? – сказала нагло.

– Бедный мальчик, вот уже как неделя везде ночует!

– Я оплатила садик, что за проблема? – перебила ее Шаира своим дерзким голосом.

– Разве вы не в курсе, что садик с 9:00 до 18:00?

– Вед всё ровно кровати в садике пустуют ночами, что жалка, если мой сын там переночует денёк два? – ответила она зева?

Мать Назокат сразу поняла, в чём тут дело и перешла на прямую.

– А почему бы вам не отдать мальчика в детский дом, и вам было бы легче строить свою жизнь, и ему бы было, где ночевать. Не надо издеваться над ребёнком, сами потом по-

жалейте.

– Надо же не подумала, сома знаю-ю!!! – грубо ответила Шаира и одним махом стащила Анвара в квартиру, дёрнув его за воротник со словами, – заходи домой пёс паршивый, нашли, кого учить. – Захлопнула дверью прямо им в лицо.

– Нет бы, сказать спасибо, извините, я задержался, не затруднила ли вас нянчить моего сына... – шепча, сказала Назокат, оставаясь за дверью с матерью, – странная женщина вам так не кажется мама? – сказала она обернувшись.

– Да ладно оставь.

– Почему мама, мне жалка мальчика.

– От такой женщины может родиться ребёнок ангелочек, но Ангелом он точно не вырастит, поверь мне, – сказала мать и пошли по тропинке вдвоём.

Праздник азбуки.

Проходили годы, но в маленьком сердце мальчика всё ещё солнце не светило. Первый класс. Радуетя Анвар не земной радостью. Родители за руки вводят в школу своих детишек. Некоторые даже поджидают до окончания уроков. Анвар с надеждой ищет свою мать среди этих родителей. Он прекрасно знал, что мать давно ушла, но всё равно надеялся. Он, повесив большую папку, медленно шёл домой. Однажды ему пришлось в голову – если я буду учиться хорошо, мать меня полюбит, потом ей не будет за меня стыдно, – он поста-

вил перед собой большую цель. Бедный Анвар с нетерпением ждал каждую собранию родителей. Чтоб показать своей матери как он хорошо учится. У него в голове вертелся одно только мысль «мать, увидев мои оценки, заплачет от радости и крепко, крепко обнимет меня».

Не только родительское собрание, но и праздник азбуки Шаире было не интересно. Анвар за три месяц выучил вес алфавит. Его стали хвалить учителя показывая пример другим.

Вскоре стало известно день праздника Азбуки. Показывая письмо учительницы, Анвар досадил матери. Каждый раз, когда он показывал письмо матери, она посмотрела и выбрасывала его в сторону, занимаясь другими делами. Анвар, громко читая стихотворения который дали ему учителя старался привлечь внимания своей матери. Он толи запрыгав, толи, бегая, выучивал стих, лишь бы его услышала мать и хоть раз похвалила бы. Дни прошли на пролёт, не заметил Анвар, как пришло день букваря. Анвар, не переставая твердил матери час своего праздника, просил обязательно прийти, просил да умолял. Мать одела его, обула и проводила к двери. Закрывая дверь, она заметила, как дверь кто-то держит, смотрит Анвар умоляемым глазами и говорит последний раз – мам я буду тебя ждать очень, очень обещаю, что не забудешь, – Шаира поторопила сына и закрыла дверь.

Праздник проходит шумно, и весело со стихами детишек, и хлопами их родителей. Анвар не смыкая глаз, читает сти-

хотворения и глазами ищет свою мать среди родителей. Он до конца праздника не отрывал глаз от дверей актового зала, но не видно было не Шайры, неслышно было ее голос.

Почти не кто не остался в школе, но Анвар стоял у ворот школы, дожидаясь свою мать. Он твердил сам себе – мама придёт, может, задержался, а может ее не отпустили, – он ждал мать до самого вечера у ворот. Он думал, что, если она придёт со светами и подарками, а некого не будет в школе, она разочаруется и ей будет стыдно.

Стоял суровая зима. Ветер бурно разносит почти замерзшие листья деревьев, недалеко от него бездомный пёс от холода и голода роется в мусоре, в поисках пищи и укрытия. Ворота шатаются от ветра толи внутрь толи изнутри двора. Как будто старое дерево играет свою симфонию, именно для него стуча своими сосульками над ним. Анвар замёрз, его ноги уже не чувствовали не чего. Он, подняв их по одной, прыгал на месте, чтоб не превратится в Морозко. Его пальчики от мороза чуть не онемели, он по одной совал их в карман, и дул на них чередой дожидаясь свою мать глядя далеко, далеко.

Охранник, увидев его, не сдержался, он выскочил на улицу – что ты тут делаешь мальчик? Почему не идёшь домой? – испугался Анвар от его громкого голоса, и ответил дрожащим голосом – жду маму, она вот-вот придёт.

– Тогда иди вовнутрь, что за дело стоят в такой мороз – закричал охранник от жалости ребёнку.

– Нет спасибо дедушка, она обидится, и подумает, что я его не дождался.

– Тогда ты иди домой, а я постою за тебя, когда она появится, скажу, что ты ее ждал, иди детка, жди ее дома, – сказал он и отправил его домой.

– Спасибо дедушка, только не уходите хорошо, а то она обидится. – И побежал домой. По дороге домой он говорил при себе – ну и что мама не пришла и не увидела, как я читаю стих. Пойду, и дома ей расскажу. Он по дороге разглядывал каждое женское личико, в мыслях может эта она мчится. Он шёл именно по той тропинке, где много народа. Смотрит он уже у своего двора. Смотрит в балкон, свет не включён, значит, мамы нет дома. Он сел на скамейку, не отрывая глаз от своих окон и умудрился, уснул. Он проснулся с трескания в портфель, смотрит, тётя Рахима будит его.

– Мальчик мой проснись, ну пошли ко мне чай попьёшь, а то совсем замёрз бедняга, – тётя Рахима соседка из первого этажа с седыми волосами. Она ели разбудила Анвара и таскала к себе в квартиру. Анвар, тут же очнувшись, отказался на отрез – нет, вот-вот мама придёт, она разозлится на меня, не пойду. Нет.

Тут развернулся автомобиль, его фары светились прямо на него. Дверь машины открылась и тут появляется модам. Шаира ели стояла на ногах. Не было видно ее лицо от фары автомобиля. Ее можно было узнать, по обтягивающие платья и открытое декольте с мини юбкой.

Анвар пулей побежал к ней и крепко обнял ее за тали следами в глазах. Они ели дошли до квартиры и закрыли дверь.

Может женщины типа Шаиры ещё ходят по земле только потому, что они несут титул матери, Аллах хранит их, может быть только для их ангелов, которых они не замечают. Которых они не руками и не ногами, но морально и душевно топтают, и разрушают их маленькие миры. Может бог не стирает их с лица земли, только потому что их миссия, которое состоит в том, что мать должна вырасти из маленького ангелочка, спасителя всех миров не завершается, или только потому, что ихние как называемые ангелочки ещё молятся богу помиловать ихних матерей. Да-да только поэтому это небо не провалилась на наши голова, и не затопила нас моря своими волнами только потому, что с нами ангелы, которых мы считаем обузой. Может именно они отстраняют нас от конца света.

Грамота.

Годы летели не меня сценарию написанную для Анвара. Анвар закончил четвёртый класс с похвальной грамотой. Он был не в себе, когда смотрел на свою грамоту. Он представлял себе, как мать, увидев его грамоту, крепко обнимает и целует, не отрываясь не на минуту. И от радости хвалит его и балует. Это разноцветная бумага для него был словно билет в рай. Крепко обняв эту бумагу, он мчался к себе домой.

Он бежал по узким улицам, с двух сторон его сопровождали многоэтажки, которого солнце ели касался земли из-за высотных домов. Эти узкие улицы вмиг казались ему широкими и солнечно ясными, ему казалось, что солнце тоже бежит с ним по этим улицам и улыбается ему, гордясь его грамотой. Казалось, что высокие деревья аплодировали ему, медленно трясущимися листьями.

Вот он в подъезде своего дома, отдышался, теперь вперёд за маминым волшебным объятием.

– Сейчас мама откроет дверь, и я покажу похвальную грамоту, она проста не в себе, возьмёт в руки грамоту и заплачет от радости, и крепко-крепко обнимет, с горячими поцелуями наградит меня.

Он поднимается не по лестницам, а по двум сразу от нетерпения. Постучался. Он спрятал грамоту и на кистях своих ног качался от радости, улыбался до безумия. Как не старался он не смог не улыбаться.

Жаль это дверь отнимает его драгоценное время, кто только придумал это чёртово дверь, подумал Анвар в один миг. Вот и открывается дверь, от шороха у него мурашки побежали, терпенья у него не осталось, он стал толкать дверь, чтоб он быстрее открылся.

– Что толкаешь, чёрт бы тебя прибрал, а ну ка отстань. – Приоткрыла Шаира деревянную дверь. – Почему так рано? Иди на улицу, у нас гость. Она пыталась закрыть дверь, но Анвар торопливо показал свою грамоту, всё ещё дожидаясь

от матери хоть малейшего внимания. Но нет, мать вытолкнул его из нутрии и захлопал дверь прямо в лицо. Анвар остался с высоко поднятой грамотой в подъезде один. Та самая грамота, которой он так бережно и аккуратно принёс домой, теперь веером падал вниз по лестнице. Анвар, медленно спускаясь по лестнице, даже не заметил, как прошёл, наступив над этой грамотой. Закрытая дверь перед его глазами сегодня словно открыл ему истинную правду. Сегодня он как будто вырос не погодой, а по часам. Как будто он упал со своего сказочного поезда и очнулся в темноте один. Он сидел на скамейке допоздна. Он голоден и ему холодно, но его это мало интересовало теперь. Он ревел на глубине души, но отсутствия слёз мастерски маскировал его громкое рыдание в нутрии.

После того как ушёл гость её матери он вошёл в квартиру не как маленький ребёнок которого ждёт от своей матери крепкие объятия, а как юноша которой потерял всё на войне. Он вошёл в комнату, на столе стояла два отреза колбаски и в тарелке виноград. И половина баклажки кока колы. Мать, закрывая дверь в спальню говорит – там, на столе я оставила тебе поесть, поешь потом помой посуды и иди спать – хлопнулась дверь.

Анвар сел за стол и внимательно смотрел на тарелку, не отрывая глаз с двух колбасок. Он выглядел, как будто проиграл всё своё состояние на картах, как будто завтра его казнят и это его последняя ночь. Он просидел в такой позе почти

до утра и под утро уже уснул.

Пролетели годы один за другим. Анвар после той случи с грамотой почти, что потерял интерес ко всему и ко всем. Он даже учится, стал хуже всех. В школе его знал каждый собака. Нет, не так как передовика, а как разбойника.

Среди одноклассников у него почти не было друзей, потому что его кругозор, не был как у школьника. Он размышлял очень широко то, что для него было реальностью, для одноклассников было небывалой фантастикой. Его истории им казалось сказкой. Поэтому, когда он давал советы или решал какие-то подростковые проблемы в школе эго, называли дедом. Его друзья Собир и Алишер, который были намного старше его стали через него продавать свои сигареты спиртные и даже другое. Его мало интересовало, что будет дальше, как будто завтра для него уже не существует.

– Анвар, как ты думаешь, та девушка вроде нечего, – заговорил Алишер, показывая своей хитрой мимикой.

– Который? – Оглянулся Анвар.

– Та, которой носит красную папку. – Он показывал на Зилолу. Зилола была отличницей в классе, да и к тому же красавицей. Она нравилась и Анвару, но Анвар до того уже ненавидел баб, что для него все девушки считались проститутками.

– Чего в ней особенного то? Будущая проститутка строит из себя фею да всего то.

– А знаешь, я могу прокрутить ее. – Сказал один из пар-

ней.

– Да брось ты. Давай лучше сигарету. – Сказал Анвар, его ненависть к женщинам было заметна с километра. Но это было не ненависть, а ревность. Как бы он ненавидел женщин, но к этой девушке он не был равнодушным. Он подглядывал на нее. Но отворачивался с мыслями, что от девушек будет болеть только голова.

Вот и кончилась школа. Прозвенел последний звонок. Для кого-то оно будет звенеть ещё многие годы, а для Анвара он был точно последним.

Прошёл родительский парад. У всех на устах улыбка, радостные слёзы. Букеты на руках. Ждут своих детей с нетерпением, чтобы поздравить их с последним звонком в своей жизни. С первым шагом на реальный взрослый мир. Анвар хоть и знал, но в миг разбегов глазами, среди этих радостных родителей искал знакомою личику. Но нет, а что ведь всегда было так. Ему это не новость. Но почему-то ему сегодня стало обиднее как не когда на свете. Он яростно разбил толпу и прошёл на улицу. Он поднялся высоко на дерево, которое располагался не далеко от школьного двора и наблюдал за ними среди густых листьев дерево. Листья до того были густыми что его на нем аж было не заметно. По его Шекам текли слёзы. Он быстро вытер их, но они текли ещё быстрее. Он уже не сдержал слёз и просто немо ревел над радостной толпой. Ревел он толи от радости, толи от горя. Радость у него было от того что теперь ему не обязательно будет ходить в

школу которого он уже несколько лет назад мысленно бросил. А горе у него было, что мать даже в последний день его учебы не болеет за него.

Невинная любовь.

Его одноклассница, вскрывая взгляд, нет-нет подглядывала за ним со стороны, не равнодушно была она к нему. Но внезапно потеряв его из виду, стала искать взглядом. Она даже и не заметила, что Анвар высоко на дереве наблюдал за всеми. Кончалась и праздник, все разошлись, Анвар тихо спустилась вниз, тут кто-то его напугал.

– Ах, вот где ты был? – сказала Надира.

– Чего тебе надобно?

– Тебя искала.

– Почему?

– Чтоб вместе пойти домой. – Анвар не охотливо шёл вместе с ней по узким улицам тут она заговорила. – Анвар, куда собираешься поступать?

– Некуда!

– Зачем ты так? Ты же хорошо учился.

– У меня нет таких родителей как у тебя. Некому меня куда устроить.

– А вот и нет, в этом-то ты и ошибаешься. Всему что я добилась в жизни это только благодаря моим усердиям. Ты только попробуй вот увидишь, у тебя получится. – Анвар

был прав. Сколько бы человек не был умным и талантлив, без внимания своих родных он нечего не сможет добиться в жизни, нет нечего волшебного, как слово «я с тобой»

Отец Надиры работал в юридической сфере, и он давно приготовил своей дочери юридически колледж. Об этом она даже и не подозревала. Но она не уставала ему твердить, что всё зависит от учёбы. Она говорила так убедительно и ласково, что ее глаза просто сияли от любви к нему, ее волосы витали по ветру так легко и выразительно, что Анвар не смог не заметить эту красоту. Она часто расчёсывала свои волосы, своими нежными пальцами. Они светили на солнце так красиво, что она даже не заметила, как возбуждает бедного подростка своим очарованием.

Нет-нет собирая свои волосы, которые закрывают ее лицо, она полностью очаровала парня напротив себя. Запах ее духов, летая по воздуху, а дурманила Анвара так сильно, что его уши слышали уже не ее голос, а медленную музыку и пению сирен в своих ушах.

Надира наконец-то убедила его сдать документы в юридический колледж. Отец Надиры убрал для него все преграды к пути в колледж. А вот об Анваре некому было думать. Да и что из того что думать, ведь всё ровно у матери не хватило бы средств его учить. Анвар всё очень хорошо понимал, но мотивация Надиры прошли успешно. Он решил попробовать, и хотел обсудить это с матерью. Он пошёл домой, приготовил ужин, накрыл стол, ждал, когда мать вернётся с работы.

Но ее всё еще не было. Анвар ждал ее да поздно, и уснул, накрыв стол скатертью. Утром смотрит он, мать нет, стол так и не да тронута. Две мухи летали над накрытым столом под светом солнца, которой ели проходила через окно, закрывающиеся шторы. Он сильно переживал за мать. Прошёл день первый, день второй, а ее всё ещё нет. Он позвонил дяде.

Дядя – это брат ее матери. Они долгое время не общались, из-за ссор в семе, они жили в рознь и почти давно перестали общаться. В этот день Анвар не получил от дяди ответ на свой вопрос. Но прошёл день, дядя сам позвонил ему. Якоба мать прислал ему сообщения.

«Сынок ты уже вырос, окончил школу, и можешь пойти работать самостоятельно, я всю свою жизнь заботился о тебе, пришло время теперь подумать и о себе. Я ещё молода, и ещё не поздно начать всё с начала. Сейчас я нахожусь в Турции, а ты береги себя»

Почитая сообщения, Анвар ели сдержал слёзы. Он встал и пошёл к себе. Ему казалось, что в миг его похоронили заживо, что его оставили одного в бурном перекрёстке и некому его оттуда вытащить. Как будто он один остался в необитаемом острове и должен теперь сам за себя постоять.

Пришёл домой, захлопнул дверь, на него не была лица. Скользя по стене прихожей сел прямо на месте и стал реветь из-за всех сил. Он рыдал от тоски к матери, а может быт не совсем от тоски, а от жалости к себе.

– О, боже мой, почему... даже зверь не бросает своего де-

тёныша на произвол судьбы, как... теперь... — он кусал пальцы от отчаянья. Казалось будто ветер, задрав его окно, вошёл к нему состраданием, чтобы утешит бедного подростка, казалось, что внезапный дождь, которой уже стучит на подоконнике это слёзы не задержавшего небо над его горем.

В колледж то он поступил, конечно, не юридический, но и не остался на улице. Но для того что бы учиться человек должен был сыт. Некому для него зарабатывать деньги как ему учиться то. Он бросил учёбу и пошёл искать работу.

Ему не было охоты приходит домой, и правда да кто его ждёт?

Он ночевал где угодно, с кем угодно. Вот и появились приятеля, которым он был нужен со своими деньгами. Если яснее собутыльники. Он дружил с мужиками не своего возраста, конечно же, они ему показали свою трущобу. Свой жуткий мир. Мир бомжов.

Пить стал он всё чаще и чаще. Проходили зимы, лето. Но не приходила весна. Осень то вообще приютился у него на сердце. Он стал равнодушным ко всем и ко всему. Его другом стал бутылка да огурец. Корочки хлеба хватила на всю зиму. Пропил он друзей, любовь, дом. Пропил он даже свою судьбу. После того письма его мать не писал ни словечка, как будто исчезла никуда.

Годы за годами ему уже и тридцать исполнилась. Он до того изменился от алкоголя, что среди ровесников с виду он и впрямь стал дедом. Да ещё и вонючим. Без дома, без работы,

без нечего он часто сидел в кустах или речке, тайком плакал от горя. И выпевал, как только найдёт своего прозрачного приятеля.

Чёрный Ласетти.

На днях сидя на тротуаре узкой тропинке, где один автомобиль ели разворачивался, его внезапно чуть толкнул чёрный, блестящий Автомобиль. Шевро лет Ласетти блистал на солнечном свете. От темнённых окон невозможно было рассмотреть его пассажиров. Но по Автомобилю сразу видно, что человек за рулём состоятельный. Машина медленно шёл, и при повороте не заметил, как Анвар упал в арык. Его толкнула машина. Он настроено встал с арыка и приближался к машине, бормоча чего-то со слюнями изо рта. Его одежда выглядела, так как будто он только что вышел из толпы псов. С рванными галошами, разными носками с двух сторон. Его фуфайка проста, сверкала от жирной грязи, которого он набрался, когда спал на помойке. Руки его стали серо коричневого света. Ногти от грязи уже стали гнилыми.

– чего тебе? А ну ка прочь от моей машины. Сейчас как дам, мало не покажется – вышел из машины шофёр, угрожая ему. Анвар окаменел на месте. Шофёр не узнал Анвара. Это был его друг детство Данияр. Данияр вышел из машины с гордостью, его брюки даже не помятые. Костюм на него был из бренда. Часы, которого он часто смотрел, стояли

целое состояния. Аккуратно одетый мужчина. Поправил он галстук, и слегка встряхнул волосы, который стильно причёсан. Анвар смотрел на него и стоял столбом. Почему, почему он выглядит так. Ведь мы же ровесники. Вед мне тоже столько же лет, как и ему. Почему я перед ним как дед? – эти слова крутились на его голове всё громче и громче. Он перевернулся от стыда и чуть отошёл от машины. Мужчина, нахмурившись на него, прошёл к задней двери своей машины, открыв его, взял в руки младенца. И помог своей беременной жене выйти из машины. Все видели, как машина стукнула человека, но некому было постоять за бомжа. Видно не хотелось иметь дело против богача, из-за бомжа.

Анвар, пряча лицо, смотрел им вслед. Пара была так счастливо, они так красиво смотрелись втроём, что Анвар впервые в жизни за столько лет понял, что он потерял в жизни. У него на глазах были видны накопившиеся слёзы. Нет, ему не было завидно, ему было обидно. Обидно, что шёл не по той тропинке своей жизни. Впервые в жизни он почувствовал своей душе огромный ком обиды. Именно это обиды не давал ему выбрать в своё время правильный путь. Он заблудился, заблудился он в лесу чёрных камней в своём разуме. Застрял он в своём мире, что теперь не смог найти не дверь, не дорогу обратно. Нашёл он место укромное и горько-горько заплакал. Он плакал до самого вечера и уснул под деревом как бездомный зверь.

Ангел.

Как говорят месяц на половину ясный, а на половину тёмный. Оказывается, Аллах нет-нет открывает своим робам двери счастья, и удачи тогда, когда ему этого захочется.

Анвар уже давно был бездомным, на него уже почти не кто не обращал внимания, но в один прекрасный день появилась женщина лет семи десяти, и стал тащить его пряного с кустов. Анвар был до того пьян что он ели заметил, что кто-то его тащит. Обернулся он и непонятым жаргонам и хриплым голосом говорил, – эй, ты, баба отпусти меня, куда тащишь? это моё гнездо, иди к себе. Ты что, новенькая что ли? Эй, бар рига я... – ели он заговорил эти слова, что, тут же опят уснул от Глубокова пьянство.

Очнулся Анвар ближе к вечеру. Смотрит, какой-то потолок. Не понял он, – где я? У кого? – он хотел встать, вдруг заметил, на нем что-то приятное на ощупь. Смотрит он, халат атласный, – не понял. Что это? – переволновался Анвар – Боже мой, неужели мама вернулся? – спрыгнул он с кровати. С балкона слышен женский голос. Тихонечко смотрит в балкон. Старуха обернулась на него, вытирая руки в полотенце, с приятной улыбкой говорит, – ну что проснулся мой ангелочек? Долго спал ты, – старуха с приятной, но немного строгой улыбкой, маленькая ростом, вся в седанах. Круглое лицо, с множество морщинками на лице. При улыбке ее розовые, выпуклые щёки, словно булочки с печи. А глаза ее

сияли, как будто родного встретила после долгих лет.

– Это вы меня одели? – спросил Анвар.

– Да конечно, умыл, постриг и одела. Разве тебе не нравится сынок?

Анвар сразу не узнал старуху, но вмиг обернулся обратно – боже это же моя учительница. Постарела. – Заговорил он при себе.

Это была та самая учительница Анвара, в свое время они с друзьями издевались над ней, украли ее сумку и разули зимой, и так заставили идти домой босиком. Постарела, но всё ещё не потеряла славную улыбку.

– Ну и что, плевать бы хотел на твои обиды и месть. Все-го-то копейки, – прошептал он и возгордился, словно готов к бою.

– Иди, умойся, дорогой. Ужин готов. Славным ты стал, словно голливудский актёр, – Анвар растерялся в миг, словно кто холодной водой обрызнул. Он не ожидал от нее ласковых слов, комплемент в свой Адрес, уже сто лет не слышал. «Дорогой» это слово для него равен к золоту. Он единственный раз в жизни слышал это волшебное слово ещё в садике от матери, когда мать обнял бри бегущего к ней сына. Он хранил это воспоминания в глубине своего подсознания, тайком он вспоминал это, будто кто ее украдёт. В этот момент он ели сдержал слёзы. Он почувствовал те чувства, которые не для взрослого человека, но не один разумный человек не в силах отказаться. Ему так захотелось, как ребё-

нок бегом обнять ее как родную мать. Но он опоздал на двадцать четыре года. Очень поздно он услышал то слова, которое без каких-либо средств поднимет человека на самые высокие облака от счастья. Женщина обращалась к нему, как будто не чего не бывало, как будто и вообще не проходили годы, как будто вчерашний первоклассник сегодня к ней подошёл за домашним заданием.

– Иди в ванную, я приготовила тебе одежду. И по быстрее, а то обед остынет. Сейчас вот-вот придёт твой брат, – сказала старуха, накрывая на стол.

Анвар после этой фразы вообще остолбенел. Какой брат? Не свихнулся ли она случайно, подумал он и вошёл в ванную. Умылся, оделся, и выходит, всё ещё не поняв не чего. Впервые за сто лет кто завет его за стол, не воспользоваться ли случаем, подумал он. Вышел и сел за стол.

Комната аккуратное, обои на кухне выбрана со вкусом, шторы на кухне чуть выше комнатных светов, чтоб улица изнутри хорошо видна было. Видно почти всё и вся как женщины подметают свои дворы, как ребята шумно разбегались по улице. Как сосед моет свою новую машину, выпевая при себе песню. А на столе конфетки на стеклянной вазе. На вазочке яблоня и одна хурма. По конфетам видно, что в доме нет детей. Старуха возится туда-сюда по кухне, лежа на блюде готовый обед.

– А что за брат? – спросил Анвар с удивлением.

– Мой сын. Вед ты тоже мне как сын, уж, почему бы и не

встать вам братьями? Вед я же учила и тебя в своё время.

– Точно, узнала она меня. – Неловко стало ему. Ему стыдно стал вдруг перед ней. Поступившись в дверь, пришёл и сын старухи. Хотя он умылся, но лицо алкаша и бомжа, которое годами, разрисовано на его лице, не стереть за один день, одев ему чистую одежду. Не скрыть его истину.

Искандер, проходя мимо кухни, услышал голос мужика, вернулся назад, интересуясь, кто это гостит у них. Он удивился, увидев чужого на своей одежде за столом. Ростом и впрямь как Анвар, но младше его на два три года. Искандер, своими мускулами напоминал спортсмена. Когда он злился, его густые брови выглядели как будто заросли в волосы. Кажется, не зря она говорила слово братья с виду у них почти одинаковое брови. Человек, не знавший о них, и впрямь подумал бы, что они братья. У Искандера, от злости выпукло вены. Не знал он, что ему делать от ярости, не знал, кидать ли ему лепёшку которое он держал в руках, или поставить куда.

– Кто это мама? – Спросил он, нервно вздыхая.

– Твой брат. Как раз ты вовремя. Только собирались, садится за стол, иди-ка, умойся, обедать будем, – ответила с улыбкой старуха, поставив полную тарелку на стол. Она не отвела глаз, продолжая смотреть на Авара, как будто через столько лет нашёл своего сына.

– Мам... как это понят... что за брат? – не знал он, куда деться от злости. Хотелось, взять его за горло и выкинут на

улицу. Нет, мама не перенесёт скандал, подумал Искандер.

– Я учила его, он мой ученик, – ответила старуха, призывая сына к разуму. От этих слов Искандеру чуть стало лучше хоть. Как будто это не новость, он встал убеждать свою мать.

– Боже мама опять? Посмотри на него он уже не ребёнок. Какой ученик? – сказал он ели успокоившись.

– Не говори так, люди должны поддержать друг друга в трудные минуты.

– Чего ждёшь, тогда приводи их всех. – Чуть не закричал он на мать, широко развёл руками. Мать вмиг растерялась и заплакала, – разве тебе не стыдно кричать на мать? Вот значит, как я тебя вырастила.

– Прости меня мама... внезапно вырвало, – Искандер сразу обнял мать, чтоб успокоит ее и, сказал он, шепча, – мама посмотри на него хорошенько, он вед бомж. Всё-таки он не первоклассник уже, мало ли что.

Мехрибон ая смотрела на Анвара, которого уже тряслись руки от ломки, и сказала, – вижу, поэтому то и привезла. Смотрю, лежит на улице, собравшись в комок от холода. Я его и раньше видела, приизирала, вот училась бы, и не лежал бы на улице, говоря при себе эти слова, проходила мимо. Но прочитав в коране слова Аллаха «я открою двери рая тому, кто потянет свои руки человеку в беде» мне стыдно стало.

– Да, разве так и сказано в коране, точно? – этим он хотел сказать матери, что нас чёт святой книги надо быть осторожнее. Всё-таки это слова Аллаха придётся ответить за каждую

букву.

– Я же не говорю именно! Смысл такой. По крайней мере я так поняла, – сразу обидчиво нахмурилась она, ожидая от сына ласковых слов. Этим она хотела юмористично остудит Искандера. И ее это удалось. Искандер тоже засмеялся и крепко обнял свою мать, подарив ее нежный поцелуй.

– Сынок, вед его здесь не кто не знает, и родных некого, был дядя и тот умер. А от матери не весточки. Подумай сам, кто ему поможет кроме меня? Жалко мне его стала. Да и бога, побоялась.

– Я-то понимаю, но..., а вдруг он вор? – Сказал, специально повысив голос. Чтоб Анвару слышно было, чтоб сам встал и ушёл.

– Нет! Не вор он, – заступился за него, как будто стояла между двумя сыновьями. “– Нас не обо крёт”, – сказала она не уверенным голосом. Она знала, что от него можно ждать чего угодно, но надеялась, что всё ещё не потеряно. Кажется, Искандеру стала завидно, или он заревновал мать, резко поднявшись со стула, сказал – а может лучше мне уйти?

– Ты и так уходишь, собрал чемодан, как будто в Индии нет инженеров! – она чуть не заплакала как ребёнок, которого оставили в садике. И без этого Искандер уже почти сдался маминым капризам, но это уже заставило его оправдывается, пришлось ему побаловать, и очередной раз крепко обнять ее.

– Ну, мама... ведь работа у меня такая. И потом мне надо обменяться опытом. А к тому времени найдите девушку

хорошую, красавицу не наглядную, как вернусь, тут же свадьбу устроим, – после смерти своего мужа Мехрибон ая стала обидчивой и плаксивой. Поэтому все старались не обижать ее, сторонились грубых слов. Вот и заплакала она в серъёз. Нет, не от обиды, а от тоски. Она уже начала тосковать по сыну хотя он ещё был рядом. – Ты всё ещё не женился, вед мы с твоими сёстрами давно подыскивали тебе красавиц, а ты...

– О, боже мама, хорошо пусть всё будет, как ты скажешь,

– Ты это о чём?

– Пусть останется, только не плач мама, вед сырце у тебя больное, заболеть можешь.

Анвар наблюдал за ихнем разговорами, прислонясь к стенке. После тех слов Искандера он собрался пулей выйти из дома, но он не хотел отдалиться от этой женщины, в какой-то миг ему казалось, что он нашёл материнскую ласку. Ту самую ласку, которой он столько лет ждал. Ведь, он впервые в жизни видит настоящую, семейную теплоту, которой у него не когда не было. За столом, они разговаривали, обо всём. Искандер ни на минуту не отрывал с него глаз, как будто задержал преступника и ждёт от него признания. “– Ну, погоди, мы с тобой ещё не закончили”, – говорил он при себе. Анвар уже поел, но взгляд Искандера всё ещё преследовал его. Анвару стало не по себе, он взял в руки салфетку и как аристократ стал вытирать пальчики. Хотя он и бомж, хотя у него трясутся руки от ломки, к спиртному, хотя вид

у него типичного алкаша, но он старался виду не подавать. Как он не старался, разговорная речь предал его. Речь у него уж была, не ровное, нет, это был не дефект, а побочное действия алкоголя. Ведь столько лет пьянство не могло не действовать на его нервную систему.

– Ну, мне пора, – сказал он, аккуратно сложив салфетку в сторону. Возгордился он как аристократ, у которого есть частные дома, и бесценные сокровище.

– Куда это ты поедешь? “Ведь, всё равно, тебе некуда идти”, – сказала Мехрибон ая. Анвару это было, кстати, но взгляд Искандера слегка запугивал его.

– Не бойся, он тебя не сиест. В следующую неделю Искандер собирается в Индию. “Вот и поживёшь у него в комнате, а мне ты не помешаешь”, – сказала она с улыбкой. Искандеру это предложения, конечно же, было не по душе, но, он не смог перечить своей матери, поэтому он, нахмурившись, обернулся в окно. У Искандера не на чуточку не отошли сомнения о нём. Анвар это замечал, поэтому держался от него подальше.

– У меня есть ещё неделя, чтоб тебя выгнать, а пока поживи. “Уж я устрою тебе тут рай”, – говорил Искандер при себе.

Первой урок.

Искандер всё пытался выставить Анвара за двор. Он при-

думывал различные козни, но Анвар старался обходить без ссор. Потому что ему очень нужно было жильё.

С утра Анвар стал с постели и пошёл умываться. А Искандер, не теряя не минуты, встал с постели, сначала обыскал его, а потом вытащил пять сотку, записал его номер и положил в себе карман, так чтоб он был виден. Он был уверен, что Анвар возьмёт его из кармана. Это был повод для того чтоб выгнать его из дома, при этом не обижая свою мать. План у него был замечательным. По крайней мере ему так казалось.

Искандер не ошибся, Анвар, увидев деньги при открытом кармане растерялся, и машинально вытащил его. Но тут, внезапно ему стало стыдно. Какой-то голос, изнутри говорил ему, – что ты делаешь, разве тебе не стыдно красть деньги у тех, которой дали укрытия, напоили тебя в холодную зиму. – Смотрел он толи на деньги на руках, толи в сторону, хотелось, взять, но стыдно было. Смотря на деньги, мысленно считал его, думая, на сколько дней ему хватит на выпивку. Не хотел он взять, но от ломки его страшно трясло.

Давай возьму хоть одну, остальное оставлю на месте, некто не узнает, подумает, что на улице уронил, – вытащил он одну купюру. Внезапно, его увидела Мехрибон ая, и спряталась за дверью, наблюдая за ним, – жаль, не воспитанный он всё-таки. – Сказала она при себе, и придумала меры.

Она недавно купила своему зятю на день рождения хорошую куртку. Взяла она его из пакета, и вышла к Анвару.

– А ну ка встань, пример это.

– Что это?

– Вчера я купила куртку для тебя. Примерь-ко на себя, посмотрим, как она сидеть на тебе, – надевая куртку, Анвар с возмущением отводил от нее глаз, – а ну-ка обернись, ну что же ты, подними голову, смотри, какой красавец, одевай на здоровья.

– Да вы что, не надо было, у меня и своя есть. Куплю себе новую, когда будут деньги. – Женщина не хотела унижить его, напомнив ему, о том, что куртка у него сильно изношенная, да и порванная. Чтоб, довести до него смысл своего деяния, она ловко воспользовалась моментом, – та у тебя ветровка, а это как раз на зиму. Ведь ты ещё не нашёл работу. Воровать, что ли собираемся? Нет, конечно, вед ты не такой, честные у меня сыновья, не копейка чужого не возьмут. Хочешь сказать, лучше одену старое, чем воровать у людей которой тебя приютили, помогли. Поняли. Да я правильно тебя поняла? Ох, какой ты у меня честный.

Анвар этого не ожидал, он столбом стал посреди комнаты. Эти слова ему как камень в голову. Лучше избил бы она меня кнутом, чем сказать это, – подумал он. Надев куртку, играя его замком, думал, что делать, не отрывая глаз от стенки которое было в моде 80 десятые годы, – неужели узнала? “Нет, а то бы давно выгнула бы”, – говорил он при себе. Мехрибон ая вошла в себе в спальную, и тайком наблюдал за ним, думая дошло ли до него. Анвар снял куртку минуту две, по вертел в кармане украденными деньгами и пулей по-

шёл в комнату, чтоб вернуть деньги. Вероятно, у него разыгралась совесть, или побоялся, что его застукали, что бы там ни было, план у Мехрибон айи сработала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.